

Кравченко Сергей Александрович

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет МИД РФ);
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
sociol7@yandex.ru

Цифровизация образования: риски дегуманизации³³⁵

Аннотация. Цифровизация современного образования носит амбивалентный характер. С одной стороны, новейшие технологии обеспечивают прямой доступ к практически всему знанию, выработанному человечеством. Молодые люди обретают немислимые ранее возможности видения и познания мира. Однако, с другой стороны, цифровизация образования в целом основывается на сохраняющихся дегуманистических принципах формальной и макдональдизированной рациональности, прагматизма и меркантилизма, которые подрывают функциональность жизненных миров, не отвечают судьбоносным мечтам о формировании гармонично развитого человека, живущего в социально справедливом, гуманном обществе. Ускоряющееся развитие и усложняющееся становление социо-техно-природной реальности востребовали принципиально новый тип гуманизма, предполагающий оптимальное соразвитие человека, общества, техники и природы. Такой тип гуманизма объективно необходим, ввиду возникших сложных рисков, проявляющихся в утрате способности людей контролировать ненамеренные последствия научных и технологических достижений. Цифровизация современного образования не готовит молодежь к жизни с такими рисками. Вместе с тем, если придать цифровизации образования гуманистический вектор развития, то оно может стать двигателем производства Добра, гуманизации человека, формирования им дружественных отношений с природой.

Ключевые слова: цифровизация; образование; гуманизм; риски дегуманизации; молодежь; травма

Kravchenko Sergey Aleksandrovich

Department of Sociology, MGIMO-University,
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Digitalization of education: risks of dehumanization³³⁶

Abstract. The digitalization of modern education is ambivalent. On the one hand, the latest technologies provide direct access to almost all the knowledge developed by mankind. Young people are acquiring previously unimaginable possibilities of seeing and knowing the world.

³³⁵ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № НШ-2615.2020.6. «Ненамеренные последствия цифровизации для институтов социально-образовательной сферы: обоснование гуманистического подхода к научно-технологическому развитию России».

³³⁶ The work was supported by Grant No. NSh-2615.2020.6 of the President of the Russian Federation "Unintended consequences of digitalization for institutions of social and educational sphere: substantiation of humanistic approach to scientific and technological development of Russian Federation".

However, on the other hand, the digitalization of education is based on the persistence of the dehumanistic principles of formal and McDonaldized rationality, pragmatism and mercantilism, which undermine the functionality of the life worlds and do not meet the fatal dreams of forming a harmoniously developed individual, living in a socially just, humane society. Accelerating development and the increasingly complex formation of social and natural reality have demanded a fundamentally new type of humanism, which implies optimal development of man, society, technology and nature. This type of humanism is objectively necessary in view of the complex risks posed by the loss of people's ability to control the unintended consequences of scientific and technological developments. The digitalization of modern education does not prepare young people for the life with such risks. At the same time, if we give the digitalization of education a humanistic vector of development, it may become the driving force for the production of Good, humanization of man, forming friendly relations with nature.

Keywords: humanism; risks of dehumanization; education; digitalization; youth; trauma

Образование как фактор развития гуманизма

В самом общем смысле под *гуманизмом* (считается, что в научный оборот термин ввел О. Конт) понимается совокупность воззрений, утверждающих высшую ценность человека как личности. Разумеется, у всех гуманистических воззрений есть свои специфические корни, уходящие в культуры и религии народов мира.

Гуманизм, как и все социальные и культурные явления, развивается под влиянием эффектов «стрелы времени» [Пригожин, Стенгерс, 2001]. Представители Просвещения обосновали *светский, секуляризованный гуманизм*, утверждавший *самоценность земного бытия, доминирующую роль разума и рациональности* в качестве главных ценностей. С философско-метафизических позиций они ратовали за необходимость преодоления всех форм несвободы, утверждая, что благодаря образованию и науке могут утверждаться добро и нравственность. И. Кант выдвинул идею «вечного мира», а счастье и доброту обуславливал свободной волей, рациональностью и разумностью образованного человека, «делом его рук» [Кант, 1966: 10].

Отцы социологии, по существу, переоткрыли гуманизм, предложив принципиально *новый подход к гуманизму*, основанный на *реалиях жизни*, критикующий и божественное установление добра, и абстрактную, внеисторическую трактовку «естественных прав» человека. В познании и интерпретации гуманистических идеалов и социальных практик ученые исходили из комплексного учета материальных, исторических, культурных факторов, включая религиозную специфику, характер общественного сознания людей, ценностей их жизненного мира.

Для П. А. Сорокина гуманизм *не только мировоззренческая система*, стержнем которой является *неэгоистическая творческая любовь*, но и социальная практика, характер социализации и образования людей, что, в принципе, способно гуманизировать человеческие отношения на микро и социетальном уровнях. Социолог обосновал *высшую интегральную ценность* – единство Истины, Красоты и Добра. По его мнению, человек весьма преуспел в добыче истины и в создании шедевров красоты. Однако за

последние четыре столетия творчество в области гуманизма и Добра резко отстало от деятельности в области науки и искусства, которые развивались в контексте чувственных и прагматических ценностей. Человеку не удалось обосновать эффективные пути и средства для своего морального возвышения, контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений, связанных с погоней за материальным благополучием, властью и наслаждениями [Сорокин, 2009].

Более того, образование, основанное на принципах формальной рациональности и прагматизма, по Р. Мертону, латентно производило эффекты «обучения неспособности» [Мертон, 2006], которые конкретно проявились в умалении творческого мышления и субстантивной рациональности, в формировании не критического отношения к бюрократическим технологиям, биополитике, массовой культуре.

Новые сложные риски гуманизму

Главная причина сложных рисков современному гуманизму – радикальные изменения человека, общества, техники и природы, что связано со становлением принципиально новых социо-техно-природных реалий, развивающихся *нелинейно*. Указанные процессы существенно изменяют характер гуманизма, знания о нем, соответственно, меняются отношения людей как друг к другу, а также к живой и неживой природе.

З. Бауман считает, что гуманистические воззрения, принципы и практики ныне обретают «текущий» характер, «размываются». Если в традиционном и даже индустриальном обществе каждая форма гуманизма формировала *строго заданные* потребности людей, то ныне возникает принципиально новая *дисперсионная* потребность в виде «*желания желания*»; при этом люди все более становятся «коллекционерами ощущений» [Бауман, 2004]. Сама ценность новизны ставится превыше всего, что порождает неудовлетворенные желания бесконечного потребления без достижения определенного уровня или конечной точки. Квинтэссенция этого потребительского синдрома – скорость, доступ, трата, что формирует дегуманистический тип *человека выбирающего* [Bauman, 2007].

Сложные риски гуманизма проявляются и в том, что Добро и Зло *сосуществуют в одном пространстве и времени*. Причем проявления антигуманизма разрастаются, на что конкретно указывает З. Бауман: хаотизация социальной жизни оборачивается планетарным беззаконием и вооруженным насилием [Bauman, 2007a: 7–10]; нарастающий объем беспокойства порождает атмосферу фобии фобий [Bauman, 2006]; «вместо великих ожиданий и сказочных мечтаний, “прогресс” порождает бессонницу полную кошмаров» [Bauman, 2007a: 11]. В итоге возникает эффект «бездомности» [Bauman, 2011].

В посмертно изданной книге «Ретротопия» (ностальгия об утопическом прошлом) З. Бауман отмечает, что в силу нарастания катаклизмов и «текущих» страхов социальное

счастье и справедливость все более видятся не в будущем, а только в прошлом. Если в XVII веке ностальгия рассматривалась как *«излечимая болезнь»* отдельных индивидов, для выхода из которой швейцарские доктора рекомендовали опиум, пиявки или путешествие в горы, то в XXI веке она перешла в *«неизлечимое состояние модерна»*, *«глобальную эпидемию»*. Как считает социолог, её глубинные причины в рукотворной деятельности самих людей – *«необязательных человеческих выборах»* [Bauman, 2017: 3]. Среди них: «цивилизационный процесс» был нацелен на реформирование человеческих манер, но не на образование, нацеленное на развитие человеческих способностей и качеств, преодоление импульсов. В результате: «акты человеческого насилия уходили из поля зрения, но не из человеческой природы»; стираются различия между «хорошим насилием» и «плохим насилием», при этом достижение «мира без насилия» вообще видится как «утопия»; «инъекции страха и насилия пришли в наши дома»; «мы живем в мире, в котором прагматизм является вершиной рациональности»; люди чувствуют, что живут в «мире с ослабленными человеческими связями» [Bauman, 2017: 14, 16, 20, 21]. Как считает социолог, чтобы преодолеть глобальную эпидемию ностальгии, необходим переход к иному тренду развития гуманизма, культуре диалога и единения «Мы» с «Они». В противоположность неолиберализму, его постулату «нет альтернативы», сегодня, как никогда прежде, необходимо осознание того, что «мы – жители Земли, находимся в ситуации или – или: или нас ждет единение рук, или общая могила» [Bauman, 2017: 167]. У человечества есть шанс сделать выбор в пользу обновленного гуманизма. Полагаем, реализация этого шанса начинается с переходом от прагматического к гуманистически ориентированному образованию как условию формирования гуманизма, адекватного новым социо-техно-природным реалиям [Kravchenko, 2019: 225–238].

Новые сложные риски гуманизму латентного типа обусловлены процессом цифровизации образования в контексте сохранения прежнего формально-прагматического тренда. Востребованность цифрового образования несомненна [Паспорт национального проекта «Образование»]. Его преимущества, в частности, обусловлены тем, что цифровые технологии «позволяют и создают новые возможности рефлексирования как для учащихся, так и для преподавателей» [Bustillos, 2017: 159]. Однако цифровизация образования в её нынешнем виде несет с собой сложные риски – развивает побочные эффекты в виде центробежных тенденций, освобождает молодежь от контекста социальных и культурных связей, производит «цифровых людей, ставит под вопрос традиционные категории, такие как статус, социальную идентичность, коллективность и индивидуализацию» [Beck, 2016: 146].

Цифровизация образования, подчеркнем, основанная на формально-прагматических принципах, травмирует гуманистический потенциал молодежи, деформируя социальный и человеческий капитал [Кравченко, 2020]. До сих пор в мышлении представителей социально-гуманитарных наук доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической

базы общества, потреблением благ. Ныне изменяется лишь форма: акцент делается на степени компьютеризации образования, положительный эффект чего неправомерно абсолютизируется. В противоположность этому подходу Ж. Т. Тощенко переориентирует мышление социологов на значение, которое «приобретает оценка социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп» [Тощенко, 2018: 7]. По его мнению, «остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и, как осуществить реформирование образования». Доминируют производящие травму постулаты о том, что «образование – это услуга», а первостепенное значение играет «умение зарабатывать деньги». В результате «университеты ввергнуты в пучины квазирыночных отношений». В противоположность этим формальным и прагматическим подходам автор ратует за то, чтобы образование стало «сферой достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала». Такая гуманистическая трактовка образования весьма значима в условиях вытеснения из российских СМИ обучающих и развивающих интеллект передач, которые заменяются всевозможными шоу [Тощенко, 2020: 209, 211- 212].

Таким образом, для минимизации рисков дегуманизации, необходимо осуществить переход от цифрового образования, основанного на прагматических ценностях, к *гуманистически ориентированному образованию* в рамках обоснованного нами «гуманистического поворота» [Гуманистический поворот..., 2018]. Согласно его базовым постулатам, в образовании, несомненно, сохранятся новейшие технологии, однако функционирующие на принципах субстантивной рациональности. Это будет способствовать сохранению аутентичного мозга человека, очищению его от всевозможного дегуманизированного «мусора» и «шумов», а также цифровых имплантатов, что, полагаем, может стать важным фактором преодоления нынешних рисков гуманизму.

Библиографический список

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 120.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Монография. Под общей редакцией С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирном гражданском плане // И. Кант. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 10.

Кравченко С. А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 6–68.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/digitalcouncil/digitalobr/> (дата обращения: 3.03.2020).

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 240 с.

Сорокин П. Кризис нашего времени. М.: ИСПИ РАН, 2009. 388 с.

Тоценко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018. 350 с.

Тоценко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь Мир, 2020. 352 с.

Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006. 188 p.

Bauman Z. Liquid Life. Cambridge: Polity Press, 2007. 224 p.

Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Polity Press, 2007a. 115 pp.

Bauman Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 2011. 244 p.

Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017. 179 p.

Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.

Bustillo J. The Digital Divide. Neoliberal Imperatives and Education. In: Isaacs S. (eds). European Social Problems. Routledge: London and New York, 2017. P. 149–165.

Kravchenko S. A. Increasing Complex Techno-Digital Realities in the Dynamics of Scientific Discourse // Montenegrin Journal of Economics, 2019. Vol. 15, № 4, P. 225–238.